

Пётр Давыдов

Нерентабельные христиане

Рассказы
о русской глубинке

«Христос, обещая хранить Церковь, иногда делает это с юмором, показывая, что доброй улыбке всегда есть место в нашей серьезной и угрюмой жизни».

Светлая проза

Петр Давыдов

**Нерентабельные христиане.
Рассказы о русской глубинке**

«Никея»

2021

УДК 82-3
ББК 84+86.372

Давыдов П. М.

Нерентабельные христиане. Рассказы о русской глубинке /
П. М. Давыдов — «Никея», 2021 — (Светлая проза)

ISBN 978-5-907457-09-6

Рассказы в сборнике Петра Давыдова объединены общей темой – люди Русского Севера. Это и батюшки, и миряне, и даже иностранцы, волею судеб осевшие в наших северных землях, принявшие Православие и в некотором смысле ставшие даже более русскими, чем многие из нас. Несмотря на легкую остроумную манеру изложения, автор затрагивает серьезные вопросы, связанные с жизнью северной деревни, с ее возможным возрождением. Глубоко, тонко и правдиво раскрывается актуальная сейчас как никогда тема переселения из городов в деревню, возвращения к земле.

УДК 82-3
ББК 84+86.372

ISBN 978-5-907457-09-6

© Давыдов П. М., 2021
© Никея, 2021

Содержание

Петр Давыдов. Вместо вступления	6
Живи, русская деревня!	6
Свет сильнее печали	17
Часть 1. Незатейливые истории о жителях русской глубинки	19
Джекпот и балерина	19
Не все коту «Лествица»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Петр Давыдов
Нерентабельные христиане.
Рассказы о русской глубинке

© Давыдов П. М., 2021

© ООО ТД «Никея», 2021

Петр Давыдов. Вместо вступления

Живи, русская деревня!

Похоже, сейчас, благодаря всяким кризисам, пандемиям и прочим испытаниям, мы становимся свидетелями, а очень многие и участниками доброго явления: люди вдруг вспомнили, что в России, помимо мегаполисов, непонятных моногородов с их странной лексикой и абсолютно одинаковой интонацией, есть, оказывается, деревня. Недоубитое массовым исходом, перестройкой, укрупнением, коллективизацией, оптимизацией село. И оно, село, оказывается, не просто продолжает жить, хоть и скромно, но еще и кормить все эти города. Отмечают и еще одну особенность, с желудком не связанную: вдали от суеты и агрессии живется почему-то спокойно. В одну какую-нибудь питерскую новостройку на окраине легко влезет штук десять деревень, но жители этой новостройки никогда не будут в состоянии относиться друг к другу так, как это было бы, живи они в естественной среде обитания, а не будучи рассованными в человеко-капсулы, да еще и купленные за невероятные деньги. Нет больше достоинства настоящего хозяина – дома, земли, двора, вот этой вот церквушки, реки, бора. И веди себя в этом моем большом мире, мил человек, так, чтобы мне за тебя не пришлось стыдиться. Сейчас же мой капсульный мир сузился до лифта-подъезда-троллейбуса-метро-работы (точнее, офиса) – магазина (точнее, «маркета») – «сссьте» сквозь зубы со взглядом в сторону, а еще панической выплаты кредитов. Так себе широта русской души, если честно.

И тут у кого-то возникает протест: хочу на волю. Желаю, понимаете, жить в своем собственном доме, пусть не в дворце, но своем, где я – хозяин. Дышать хочу свежим воздухом, смотреть людям прямо в глаза, говорить на «о», и пусть смеются. Желаю быть хозяином и не вжимать голову в плечи при виде очередного чувака на «мазерати». Хочу поесть свою картошку, свой лук-чеснок, а не бурду «made in China» или еще из какой достойной страны. В баню хочу, в конце концов, и чтоб не звонить за пару дней – заказывать сауны на часик!

А еще хочу молиться. Молиться так, чтобы, учась видеть красоту созданного мира, учиться благодарить и его Создателя. Его – и моего Создателя. Насчет красоты – так это только уметь смотреть надо: оглянись просто, присмотришь чуть внимательнее, и вряд ли ты, единжды осознанно тут, в настоящей-то России, побывавший, когда-нибудь забудешь это чувство – добрая такая оторопь, восторг и тихая, светлая радость.

Нашей семье очень помогли в осознании такой радости отец Алексей Новиков и его семья. Встречи, беседы с ними в тверской деревушке, куда они перебрались из Питера, убедили нас, старших, и наших детей среди прочего и в том, что жизнь в настоящей, назовем ее «окающей», России – это не «разбалованные выезды на природу», не прекраснодушные и довольно глупые мечтания, не романтические вздохи-охи. Но это и не злобное, какое-то черное рабство земле, непонятным обычаям, постоянному и жадному поиску, чего бы взять, мол, в хозяйстве пригодится. Нет уж, общаясь с Новиковыми, мы поняли: если Бог на главном месте в твоей душе, то все остальное Он расставляет очень даже правильно и разумно, именно на полагающиеся этому места. Как говорят у них там, в Юханово, «это дело Богово». Правда, не окают, но мы, вологодские, не ревнуем. Помню нашу первую беседу, я тогда пристал к батюшке с «городскими» вопросами: а чего это он, весь из себя питерский интеллигент, тут оказался, и чего это даже уехать отсюда, из самой что ни на есть глубинки, даже мысли не допускает? На романтику потянуло? Он улыбнулся: «Не из-за романтики – из-за красоты». Потом рассказал (надеюсь, что ответ этот поможет избежать разочарования желающим перебраться из города в деревню):

– Помогла привыкнуть, прежде всего, постепенность. Не надо ничего ломать и потом на обломках строить непонятно что. Начнем с того, что деревенская жизнь подходит совсем не каждому горожанину. Меня, как и мою супругу (единодушие в этом очень важно!), давно манило на «волю». Мы часто выезжали за город с детьми, потом сняли дачу в 150 километрах от Питера. Туда можно было приезжать круглый год, а не только в отпуск. Это была маленькая времяночка, мы еле помещались там, но она имела два огромных преимущества: была отдельной, автономной от хозяйки и теплой (это был сруб с небольшой, но очень эффективной печью). Круглый год – в выходные, в праздники, в каникулы, в отпуск – мы, не раздумывая, как потратить время, мчались на электричке прочь от города. Оговорюсь: негативного отношения к городу как к явлению у меня нет, более того, я Питер люблю, это настоящее сердце России, настоящий европейский город, Лондону до него далеко. Восемь лет эта времяночка была приютом счастливой семьи. Там наши дети научились топить печку, разводить костер с одной спички, готовить на костре. Там поймали они первых окуньков, а потом и настоящих щук. Там впервые увидели ландышевые поляны и волчье лыко, самостоятельно собрали первую кружечку черники и нашли первые в жизни боровики (сбор грибов, «тихая охота», и по сей день – любимое занятие всей семьи). Научились ориентироваться в лесу без компаса, различать диких зверей и птиц, не говоря уже о домашних животных, общения с которыми в детстве ничем не заменить; получили первые знания по огородничеству, садоводству и пчеловодству. Полюбили лес, поле, реку, озеро, незабудки в сырой канаве и крик коростеля в некошенной траве. Во времянке мы только ночевали, особенно в теплое время года, да заготовки из грибов и ягод делали.

Все это время крепло желание иметь свой дом. Господь так устроил, что дом у нас таки появился, но уже в 500 (по самой короткой дороге) километрах от Питера. Скажете: на выходные не поедешь. Да, но мы стали ездить не только в отпуск, но и на «новогодние» и на «майские» выходные, в общем – при любой возможности.

Когда решался вопрос о покупке дома так далеко от Питера (машины у нас не было), было много сомнений, терзаний, «за» и «против». Перевесили «за»! Мы решили: максимум, что мы потеряем, это деньги на покупку. Важно было и то, что в двух километрах ходьбы в соседней деревне была действующая церковь, прихожанами которой мы и стали сразу после первого приезда.

Никогда не забуду ни с чем не сравнимое чувство хозяина, которое у меня до того отсутствовало или было в зачаточном состоянии. Теперь у нас был СВОЙ дом. Свой храм. Свой огород. Свой сад. Своя земля. Свой пруд. Своя речка с форелью (мы брали из нее воду для питья, колодца поначалу не было). Своя деревня. Свой лес. Свои соседи. После городского муравейника все это было просто фантастикой, ставшей желанной реальностью!

Вы, наверное, уже поняли, что, несмотря на всю любовь к закатам и восходам, к запаху картошки из русской печки, мы вживались в эту хоть и желанную, но новую, неведомую для нас реальность очень постепенно, осторожно, и это оградило нас от разочарований. Перед глазами немало примеров, когда человек хочет сразу много (заводит корову, лошадь, коз, кур, кроликов и т. д., распахивает гектары) – и терпит фиаско. Я – за постепенность. В деревне было и есть и пьянство, и матерщина, но нас это не пугало, мы к тому времени были уже «тертые калачи».

Еще один момент. Городскому человеку свойственна пусть хоть и подсознательная, но надменность по отношению к деревенскому. Чему вы тут можете нас научить, «сельские лапти»? Сами, мол, все знаем, справимся, в интернете прочитаем. Общение с коренными жителями (назовем их «местными»), особенно с пожилыми людьми, использование их опыта – незаменимо. Так сложилось, что мне всегда шли навстречу. Никогда не стеснялся спросить, признать свое невежество, «фильтровал» информацию, что-то прибавлял своего и получал результат. Действуя вслепую, можно столько шишек набить, что вся романтика померкнет.

И еще. Мы не старались стать своими. Нас долго называли дачниками, но это было не обидно. Мы не мимикрировали, не подделывались под окружающих, оставались самими собой. Такими нас деревня и приняла.

Принципиально я не против жизни в городе. Спасаться можно где угодно, хоть в горах, хоть в городах. Поэтому преимущества моей деревенской жизни – личного плана. Мне, когда я приехал выбирать дом, сразу здесь понравилось. Как-то сердце легло. И со временем это благодатное чувство только окрепло. Последние годы город меня стал ощутимо тяготить; может быть, молодость прошла, зрелость наступила... Каждый из нас так или иначе ищет, где «лучше», «глубже», а у меня получилось еще и «дальше». Дальше от мегаполиса. Позже я понял, что отчетливое влияние большого города перестает ощущаться, когда отдались от него не менее чем на 500 верст.

Наша округа признана самым чистым уголком всей Европы. Здесь нет отравляющих жизнь факторов: промышленности, транспорта, минеральных удобрений, пестицидов и т. п. Кстати, узнал об этом, уже когда хорошо обжились. Обрадовался, конечно! Уже говорил, что воду из реки пили. А мой сосед всю жизнь ее пил и по сей день пьет, без колодца обходится. Говорит так: «Мне не напиться, пока воды со Свирицы не попью».

У нас нет пляжей, горных вершин, водопадов и т. п., но наша округа невероятно, фантастически красива! Красота эта доступна, думаю, не каждому. Она очень неброская, тихая и какая-то очень русская. У нас очень четко выражены все четыре времени года, несмотря на изменения климата.

Явное для нас преимущество – крайне низкая плотность населения. Сам по себе факт плачевный, но желающим удалиться от «круговерти», побыть в тишине, наедине с самим собой, с Богом это на руку. В нашей деревне, например, сейчас всего пять жилых домов, а растянута она вдоль дороги на два километра! Если нет желания, можно неделями никого не видеть и не слышать. Бывает, до райцентра проедешь 45 км и ни одной машины не встретишь. Мы до сих пор не запираем двери, когда уходим из дому. Можно просто палочку снаружи приставить, значит – «меня нет дома».

На первых порах своего служения я, как и полагается, думал, что мало людей приходит из-за того, что я плохой. По пословице: «Каков поп, таков и приход». Но потом сомнения меня оставили. Суть поговорки верна, но она – в другом, не в числе, а в образе мысли, поведения.

Один деревенский пастырь возглашал: «Мир всем!» И добавлял: «И тебе, Егоровна!» – так как, кроме Егоровны, больше никого в церкви не было.

Грустная особенность: на нашем приходе почти нет молодежи. Возможно, причина тому свойственная молодым людям легкомысленность, возможно – отсутствие рабочих мест, но, думаю, дело и в нас – не можем ключика подобрать к юношам и девушкам, не можем зажечь в них огонек веры...

И еще: в городе священнику его прихожане вряд ли благословят банку молока или десяток яиц. У нас это бывает!

Город, когда он принимает приезжего человека, распыляет его на атомы. Когда человека принимает деревня, она его не только оставляет целым, но зачастую и исцеляет его.

Вспоминаю: стал священником, только что вернулся в деревню, май месяц, почти лето, длинные дни, куча дел... А жил я тогда один, матушка ко мне присоединилась через два с половиной года, почему так – это отдельная история. За полночь падал и проваливался в сон.

Просыпаюсь в пять утра от стука в окно. Думаю: затаюсь! За окном – голос нашего пас-туха (а он заходил редко и только с одной целью – похмелиться): «Леша...» – «...» (Я молчу.) – «Николаич...» – «...» – «Алексей Николаич...» – «...» – «Батюшка!» – «...» – «Отче наш!!!!!»

Ну, тут я уже не выдерживаю, встаю и, стараясь сдерживать смех, иду открывать.

Приход наш маленький. Думаю, это особенность всех деревенских приходов, где деревни продолжают пустеть; на юге России деревни есть в сотни дворов, там ситуация другая. Малень-

кий, но дружный: радости и скорби – общие. Хотя маленький – относительно приходов больших городов. А для деревни неплохо, 20 причастников – это как правило. А бывает и за 30. На вечернем богослужении – человек десять, редко больше. Кто любит тишину в храме, молитву – имейте это в виду! Дети – нечастые и немногочисленные наши гости, постоянно приходят 5–6 чад, им мы всегда рады. Детский говорок на литургии ласкает слух. Трудно даются первые годы служения, когда в храме сначала один-два человека, через год – три-четыре, укрепление идет потихоньку.

Важная особенность деревенского прихода – постоянство, неизменяемость, думаю, можно так сказать. В этой ситуации есть некая неизбежность, обреченность. Наверное, это особенность деревенского крестоношения – и для пастыря, и для паствы. Без любви тут никак. Священник вчера, сегодня и завтра один и тот же, и прихожане – те же. И так год за годом. Новое лицо, не случайное (приехал кто-то могилку убрать, заглянул в храм), из местных, – приятная, радостная редкость. Горожанин может выбирать: здесь душно (или: тесно, скучно, от священника луком пахнет и т. п.), пойду в другой храм. Священник в городе тоже не всех своих чад постоянно и сразу видит: сегодня один пришел, завтра другой, послезавтра третий. Новые лица опять же всегда есть.

Наш деревенский Свято-Троицкий храм стоит на Озерецком погосте. Могилки тех, кто жил здесь прежде, а может быть, и тех, кто его строил и в нем служил, и тех, кто просто приходил помолиться в праздник, крестился здесь, венчался, подступили почти вплотную к старым церковным стенам. Может быть, похоронены здесь и те, чьими руками сложена из больших валунов кладбищенская ограда, которая, как, впрочем, и сам храм, сильно пострадала от времени. За храмом – неглубокая, извилистая, с каменистыми перекатами речка Добша. Там можно поймать форель, а если повезет – увидеть, как ловит ее осторожная выдра.

Нынешняя весна очень необычная, порывистая какая-то, а на 9 Мая, в День Победы, нашу округу за ночь укутало толстое снежное покрывало, сквозь которое все же пробивалась первая травка и зеленая молодая листва берез и черемухи. Такое бывает не каждый год, но наш храм не удивился, он видел многое – в 2012 году ему исполнилось 250 лет. Видел он и как плыли по Добше выброшенные из него, поруганные иконы. Помнит он и как заколачивали двери, и как уводили последнего священника, и как молодой тракторист выцарапал на его стене: «Коля + Маша = любовь».

Известно, что построил наш храм помещик Петр Афанасьевич Кармолин на свои собственные средства. В храме было три престола. Главный, летний, неотопливаемый – во имя Святой Троицы, и два зимних, теплых – святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских, и великомученика Димитрия Солунского Мироточивого. Над зимними приделами возвышалась величественная колокольня, которая, по словам старожилов, была выше самого храма, высота которого сейчас более 20 метров. Ни зимних приделов, ни колокольни и колоколов, ни алтаря летнего храма время не пощадило – ничего этого нет. Не удалось найти ни рисунков, ни фотографий. От величественного даже по городским меркам храмового здания остался только квадратный в плане четверик (трапеза) летнего храма с огромными проломами в восточной и западной стенах, с провалившимися верхними углами. Свод храма обвалился.

В сентябре 2013 года, после десяти лет восстановительных работ, богослужения в нашем храме, прекратившиеся (да-да, правильно догадались) в 1937 году, возобновились. После 70 с лишком лет вновь под восстановленным сводом зазвучал начальный возглас священника, и вторил этому возгласу церковный хор. Наш хор! Радовались люди, стар и мал, радовались гости и помощники, радовались живые и усопшие, радовался Ангел нашего храма!

До этого дня все эти годы мы служили во временном храме, оборудованном своими руками в пустующей сельской больнице. Ах, какая была больница! С родильным отделением и рентгеновским кабинетом! С аптекой! Ах, какой был в Озерце совхоз – миллионер! Было – прошло. Но люди-то остались! Мы живы, мы хотим и можем жить, мы верим, любим, надеемся.

Самому младшему нашему прихожанину полтора годика, а самому старшему – 92, правда, года берут свое... Мы живем не воспоминаниями, а днем сегодняшним. А сегодня у нас есть не так уж мало: администрация, школа, почта, магазин, медпункт, дом культуры, библиотека. Есть еще у народа и коровы, и поросята, и овечки, и куры с петухами, и прочая живность. У нас есть земля! И огород мы сажаем! И сено косим! И в возрожденном храме уже семь младенцев приняли святое Крещение. А через год после первой службы чудо у нас было – первое венчание совершили, венчались наши прихожане. Первую приходскую свадьбу, как положено – с баяном, гуляли всем селом.

На сегодняшний день нам удалось возвести «с нуля» стены алтаря, подвести их под крышу, сделать пол, потолок, внутреннюю отделку алтаря и оборудовать его всем необходимым. Теперь служим с настоящим алтарем, просторным и светлым, как и сам храм. Работы хватит минимум еще на десять жизней.

Зимой погост укутан снегом немыслимой белизны. На кустах сирени сидят, поскрипывая, важные розовогрудые снегири в черных шапочках, а в отдалении внимательный глаз заметит цепочку лисьих следов. Весной в пойме Добши, в пьянящем буйстве черемухи правят всенощное бдение соловьи. Летом в пение церковного хора через приоткрытое окно храма вплетается задорное воробьиное чириканье, а по мраморным плитам пола проплывает тень пролетающего мимо аиста. Ну а если вы приедете (такое уже случалось – будем очень рады!) к нам осенью, вас встретят у входа огненные бархатцы и сгибающиеся под собственной тяжестью красавцы георгины.

Наш храм всегда красив. Ранним утром лучи восходящего солнца делают его золотым, а тихой деревенской ночью над ним плывет загадочный и величественный Млечный Путь, как бы делящий надвое глубокое черное небо, полное мохнатых звезд...

Стелется утренний туман над Добшей... Пока еще поют петухи, пока мычат коровы и тарахтит за околицей трактор, пока еще есть кому слушать соловьев, заливающихся в черемуховой пене, и бегать босиком по нагретому солнышком мелководью, разгоняя шустрых мальков, я говорю: живи, русская деревня, я не хочу, чтобы ты умирала!

Мы так давно сжились с благодарностью, что просто не приходит в голову быть чем-то недовольными. Именно этот затаенный уголок Святой Руси, люди, здесь живущие, подарили нам и радость служения Богу и людям, и простое человеческое счастье. Наверное, это очень высокие слова, но мне представляется, что они не полностью выражают наши с матушкой чувства. Возможно, об этом нельзя говорить, но скажу: мы самые счастливые люди на свете!

Однако не стоит думать, что наша глухомань не подвержена негативным веяниям времени, что у нас тут Китеж-град в полном великолепии своего расцвета. И наркотики дошли до нас, и детей балуют, лодырей-потребителей растят... Есть у нас и пьянство, и драки, и смертоубийства, и суициды, и ДТП. Нас тут так немного, что подобные случаи поражают и притягивают человеческое внимание и помнятся много лет, так что говорят, к примеру: «Это Сашка (или Васька), который женку свою зарезал»; «это дом Фильки, который летось удавился»... Грустно и больно.

Мой брат и сослужитель, священник соседнего, тоже удаленного от епархиального центра деревенского прихода, очень образно сказал: сегодняшняя проповедь о Христе схожа с проповедью праведного Ноя незадолго до Великого потопа. Тогда люди, прекрасно знавшие истинного Бога, но забывшие Его, отступили от Него и сочетались злу, и сегодня – один в один, то же самое. Сегодня все (или почти все) знают о Христе, но почти все не желают жить со Христом, со злом как-то удобнее.

Говорить о Христе несложно, и не только в храме, но и в городе, и в деревне, и в школе, и у братской могилы на День Победы, и на Дне пожилого человека... И понимание у народа Божиего находим. Сложно жить, как Христос. Думаю, любой пастырь со мной согласится.

Личный пример – да, конечно. Если сам не делаешь, не умеешь, не стараешься, то никого этому не научишь. Хотя местные жители... Конечно, поразили и продолжают поражать. Пара примеров.

Наша ближайшая (дом ее видно из окна) соседка тетя Лида – ангел-хранитель нашей деревни. Родила и воспитала десять детей. Мать-героиня. Когда в первый год своего пребывания в деревне мы стали потихоньку обживать, она предложила приходить к ней за молоком. Ну, супруга и пошла с бидончиком и с какой-то денежкой. Бидончик тетя Лида наполнила «с горкой», так что крышку было не закрыть. Оля хотела оставить денежку, но тетя Лида замахнулась на нее «обменным» бидончиком и прогнала со словами: «Щас как дам бидоном!» И никогда, ни разу, ни за что не взяла ничего.

Та же тетя Лида, узнав в этот же первый наш приезд, что мы дочку после окончания третьего класса собираемся в лагерь отправлять, решительно восстала против этого: «Ну вот еще, в лагерь! Дом купили, а сами – в лагерь. Привози ее, Ольга, после школы ко мне, а сами потом в отпуск приедете!» И ведь привезла ее супруга, хотя видела эту тетю Лиду в первый раз! И потом привозили – и никогда не жалели об этом!

Тамара, наша первая и бессменная певчая, наше солнышко, душа всех наших приходских и общедеревенских праздников, боится собак. Случилось ей как-то темным зимним вечером идти по безлюдной дороге – топить печь в больничном храме. Навстречу долговязый Лешка по прозвищу Метр идет тем же зимним вечером по своим темным делам, да и говорит: «Смотри, Тома, волки ходют!» (а у нас и правда иногда волки появляются) – и поплелся своей дорогой. А Тома и собак-то боится, а уж про волков услышала – села в сугроб и заплакала... Недавно мы ее на пенсию провожали, она с улыбкой вспоминала: «Посидела, поплакала, а ведь надо идти топить, а то народ замерзнет на службе. Пройду немного, посижу, поплачу, дальше пойду, так и дошла». А ведь надо и домой вернуться! Вот натерпелась страху! Но служба не сорвалась!

Разве это не поразительно? И таких маленьких, но чудесных из-за своей христианской обыденности историй множество.

Главное – это любовь. Ведь она, как известно, «не ищет своего». Нужно понимать это так, что мы принимаем людей такими, какие они есть, у нас нет стремления переделать окружающих или вновь прибывших «под свою гребенку». Бывает так: появляется новый человек на приходе, а мы его сразу одергиваем: этого нельзя, того нельзя, у нас не так делают, надо вот так, чего сюда встал (или сел) – я тут стою... И сами думаем: зачем пришел, ничего не знает, не умеет, лучше бы вообще не приходил, без него спокойнее было. Образуется замкнутая «православная» секта. Мы такие вещи, когда они на первых порах появлялись, пресекали, результат – у нас такого нет, всем рады!

От личности пастыря напрямую зависит, какой станет община: или она будет замкнутой в себе, или открытой для всех.

Община маленькая, объединяет ее, конечно, взаимопомощь, чувство локтя. У кого-то трактор есть, кто-то машину может отремонтировать, кто-то пчел держит, у кого-то урожай фантастический, кто-то поросеночка зарезал, у кого-то молочко, яйца, у кого-то сыворожка противоземная в холодильнике лежит – поделимся, поможем, но за выращенное своими руками, за труды стараемся вознаградить друг друга. Это нормально.

У нас, например, – мы оба с матушкой в прошлом врачи – аптечка солидная, тонометр, шприцы, об этом люди знают.

Приходские праздники для детей и взрослых, не только прихожан, тоже объединяют, они у нас регулярно на Рождество и на Пасху бывают. И Дед Мороз со Снегурочкой нас не забывают! Даже когда они в отпуске! Трапезы общие бывают, но не после каждой службы.

Поездки по району бывали с концертами: в отдаленные школы, интернаты, дома престарелых. Поем, стихи читаем, фильмы хорошие показываем.

С детьми занимался рисованием, скворечники делал, мультики смотрел, купаться вместе с ними ходил, рыбачил, играл, в гостях они у нас бывали нередко.

Почему в прошедшем времени? Последнее время наша активность поубавилась: матушка больна, мы третий год боремся с онкологией. Позади несколько операций, лучевая и химиотерапия... Продолжаем лечение, это оттягивает «на себя» силы и время. На эту Пасху праздника впервые не было. Но – надеемся, что Господь даст.

Христос, конечно, важнее тем, кто со Христом. Это – малое стадо. Самая посещаемая служба – Вербное воскресенье, больше всего причастников. На Пасхальный крестный ход ночью приходят и те, кого весь год в храме не видно, в том числе и молодежь (может быть, из-за таинственности возникает романтика, но я думаю, радость Воскресения сильнее лени и желания поспать). В остальном, повторюсь, – нас малое стадо.

А тем, кто без Христа, конечно, важен обряд. Особенно точность исполнения обрядов, связанных со смертью. Почему, например, в руку покойника свечку батюшка не вложил? А если вложил по настоятельной просьбе, то почему не в левую, а в правую? Как же он «там» креститься будет! А почему у вас могилу не запечатывают? «Как это?» Объясняется, что на могильном холмике, вминая в землю черенок лопаты, священник должен изобразить крест...

Об обрядоверии. Наш храм – Троицкий, на погосте. С Пасхи начинает народ уборку отеческих могил. Чем ближе к Троице, тем ожесточеннее рев бензиновых триммеров-кос, убираются старые надгробья, ставятся новые, лучшие, «вечные», красятся оградки, втыкаются в землю ядовито-анилиновые искусственные цветы. Во всем этом отчетливо чувствуется тщета и отсутствие веры, тем более что в храм практически никто не заходит, хотя он и открыт, и богослужение совершается... Больно на все это смотреть. К Троицкой родительской субботе этот процесс достигает апогея.

Некрополь, сиречь город мертвых, как бы оживает. Кругом празднично одетый народ. На столиках у могил, аккуратно покрытых салфетками или полотенцами, стоят бутылки, разложена разнообразная снедь-закуска. Тихие с утра, к полудню разговоры становятся громче, некоторые любители поминок уже навеселе... В храм, повторюсь, никто не заходит...

Однажды меня пригласили помолиться (для поминовения) на одну могилку. Молодые, красивые люди стояли вокруг нее. Подойдя, я внутренне оторопел: вся могила была уставлена такой разнообразной снедью, что ассортимент сделал бы честь многим магазинам. Даже не уставлена, а устлана толстым слоем. Хотя все было на тарелках, но самих тарелок из-за лежащих на них продуктов не было видно. Колбаса, ветчина, сало – разных сортов; помидоры, огурцы – свежие и консервированные, зелень, разнообразные фрукты, для которых еще был не сезон, разная сдоба, всевозможные конфеты и шоколад... Венчали этот натюрморт батарея бутылок (марочные вина, разные водки и коньяки) и – ананас. Могильного холма просто не было видно...

Все это и сейчас стоит у меня перед глазами. Священник – человек весьма беззащитный: ударят его – дать сдачи не может; обругают, оболгут – смолчать должен... Каждый пастырь получает много невидимых постороннему взгляду ран, но от вида этой «колбасно-коньячной» могилы я, молодой, неопытный священник, получил первую серьезную рану. Кажется, я все-таки нашел в себе силы сотворить молитву...

Да, деревенская жизнь суровее и жестче городской. Тем, что надеяться нам особо не на кого. Что «скорая», полиция, пожарные – далеко. Так самим надо поворачиваться – что в этом такого особенного? Надо помогать друг другу. А скажите: каково в городе без электричества? Без теплых батарей? Без горячей воды в кране? Просто без воды (помню такую аварию)? Безопасно ли оттого, что есть полиция? Вовремя ли приедет «скорая», застрявшая в пробке? Мы – люди гораздо более независимые, самостоятельные, чем горожане, и без удобств, без этих благ, если придется, проживем, были бы дрова. Счастливо проживем! Наша суровая жизнь течет

с постоянной оглядкой на Небо (и в смысле погоды тоже), с надеждой на помощь Божию, с благодарностью Ему за самые простые вещи, которых в городе и не заметишь. Наша жесткая жизнь научила нас самостоятельно принимать решения, воспитала в нас чувство хозяина, а это дорогого стоит. Не каждый горожанин готов принять это, не каждый готов признаться, что он менее нас жизнеспособен и хуже справится со сложной ситуацией.

Основным отличием деревенского менталитета я считаю консервативность. Здоровую консервативность. Городской житель привык к новшествам (новый транспортный маршрут, новый способ оплаты проезда, новое эффективное лекарство, новый покрой одежды, гаджет нового поколения, новое жаргонное словечко), быстро соглашается их принять, практически не сомневаясь, что от этого жизнь станет лучше, полнее, успешнее, меньше будет проблем, больше возможностей, высвободится время. В современной реальности в этом настойчиво нам «помогает» реклама; ну и работает: «У всех уже есть, а почему до сих пор нет у меня?»

В деревне по-прежнему сохраняется настороженность к новому, и принимается оно не сразу, не все или вообще не принимается. Здесь так: «У него есть. Посмотрим, каково это: цыплят по осени считают». И еще. Многие современные наши потребности таковыми не являются, искусственно созданы и нам навязаны. В деревне это не прокатит. Это очень правильный подход, спасительный, избавляющий от многих бед.

Я благодарен Богу, что застал одну ныне покойную старицу, которая на протяжении жизни никогда не покидала пределов своей деревни – просто не было необходимости. Несмотря на это, она была мудрой, здравомыслящей, но никак не отсталой, темной и забитой. Возможно, это покажется крайностью, но еще совсем недавно – в предыдущем поколении – это было нормой.

Сохранил дверь от старого хлева (он сильно обветшал, и мы его пустили на дрова), так доски в ней – с выбранной вручную «четвертью» на врезанных вручную же шпонках! Чтобы такую сделать, надо иметь несколько специальных столярных инструментов (интересно, скажут ли вам что-нибудь названия: «отборник», «наградка»?), надо этими инструментами владеть и, наконец, надо массу времени. Гляжу на эту дверь и понимаю, какой размеренной, осмысленной была та ушедшая в прошлое жизнь... У меня уже не так: и доски простые, и три накладки на саморезах, трах-бах, быстро сделал и дальше побежал...

Та особенность, что в деревне по-прежнему с невероятной скоростью распространяются новости, сохраняется. Это при том, что телефоны далеко не у всех. Полностью доверять этим слухам не стоит: у нас тут одну бабулю так «похоронили». Кто-то ляпнул: «Померла», – и пошло. Потом оказалось: живехонька!

В деревне по-прежнему в ходу прозвища, их имеет если не треть, то как минимум четверть жителей. Спросишь: «Как там Леша Иванов поживает?» – «Какой Иванов?» – «Ну, такой-то и такой-то!» – «А! Метр! Так бы и сказал. А я и не знал, что он Иванов... Нормально поживает!»

Петя Булочка, Саша Малыш, Коля Кривой (хотя со зрением все в порядке), Галя Сало (худющая была одно время, потом поправилась, и «Сало» так и осталось), Петя Букса (буксовал), Коля Лунь, Ванька Чомбэ... Но самый шедевр – это Саша Чимбансал (сокращенно Чебик). Почему – никто мне не мог объяснить. Недавно узнал, что был такой монгольский маршал: Чойбалсан, может, здесь кроется разгадка...

Мы, приезжие (к которым я и себя отношу, несмотря на то что живу в деревне давно, и мне думается, что именно здесь моя родина, хотя родился далеко от этих мест), меняем деревню, она меняет нас. Процесс диалектический и для нас, бесспорно, весьма благодатный.

Рассуждали мы с отцом Алексием и о том, как надо говорить правду. Отец Алексей составил даже такую «памятку для обличителей и правдорубов». А что: думаю, у многих из нас есть человек, знакомство с которым большой радости не приносит. И не потому, что он, скажем, воруется или врет, наоборот – скорее им заявляемое стремление к честности и правде и вызы-

вает отторжение. Этакая помесь мясорубки с прокурором. «Я всегда говорю правду людям в лицо – пусть знают, что они мерзавцы!» – такое любовное отношение к человеку не находит встречной любви и уважения. Вроде бы и говорит такой правдуроб, что дважды два – четыре, что черное – это черное, а белое – белое, но сам тон его, глаза, мимика заставят взрослого человека брезгливо отойти, а ребенка – испугаться. Какая уж тут правда...

С отцом Алексием говорить хорошо: голос у него добрый и тихий.

– Давайте уточним, что мы будем понимать под термином «правдуробство», и определим, что такое правда. Если мы понимаем под первым истеричное, бьющее себя в грудь желание вывести всех нехороших на чистую воду, подмечая у всех нехороших все нехорошести – и реальные, и надуманные, – то в таком случае правда – это, похоже, та Правда, о которой пел Высоцкий:

Нежная Правда по белому свету ходила,
Принарядившись для сирых блаженных калек...
...Хитрая Ложь эту Правду к себе заманила,
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег.
И легковерная Правда спокойно уснула,
Слюни пустила и разулыбалась во сне.
Хитрая Ложь на себя одеяло стянула,
В Правду впилась и осталась довольна вполне...

Я к Богу пришел поздно, на 30-летнем рубеже. Но ответ на вопрос «в чем смысл жизни?» пытался искать многообразными способами. В этой связи мне вспомнились слова из песни «Наутилуса»: «Правда всегда одна...» Дальше там что-то про Тутанхамона было, но не важно. По сути все верно – правда, действительно, всегда одна. И она всегда излучает неизреченный свет, мир и покой. Потому что она – Христова правда.

Конечно, правдуробство – болезнь, и болезнь заразная. Оно никогда не рождает в душе тишины и покоя – ни у того, кто эту «правду» рубит, ни у того, кто ее вынужден оценивать. Значит, это не от Бога. «Правда» эта всегда со знаком «минус»: негативна, неконструктивна, ничего не предлагает взамен.

Духовный закон, действующий в случае распространения этой инфекции, прост: человек воздействует на окружающую его среду, на людей, с которыми общается, живет рядом. Агрессивное, не согласное с Божиим планом воздействие всегда разрушительно, и, если иммунитет ослаблен или совсем отсутствует, можно легко заразиться. Правдуробами не рождаются, ими становятся.

Все мы родом из детства. Видимо, будущим беднягам-правдуробам (давайте все-таки пожалеем их!) не хватило в детстве любви и внимания, родительских – прежде всего. Не научились они переживать чужую боль, скорбь, поэтому и не могут представить себе, даже просто задуматься, какой след оставляют в душе ближнего эти правдивые зарубки. Топором. По живому.

Если на ребенка не обращают внимания, он может по этой причине, например, разбить чашку: да, поругают, но внимание обратят! Взрослый привлекает к себе внимание вот таким вот своим «правдуробством», с одной стороны, а с другой – он готов, что к нему будут плохо относиться (опыт есть!). А почему плохо? А потому, что Я ПРАВДУ говорю, Я за ПРАВДУ страдаю, Меня за ПРАВДУ не любят! И личные местоимения в этом случае пишутся с заглавной буквы не просто так.

А сам уже не понимает, что к нечуткому, неделикатному, грубому человеку трудно относиться хорошо! «Правдуроб» – бессовестный эгоист, себялюб, живущий без Христа, без Его любви и терпения, без элементарной доброты к ближнему. Вот корень. Он может быть и не

виден сразу, но со временем «дерево познается по плодам». «Правдорубство» – зло, но «правдорубов» – то жалко!

Общение в скандальной (сиречь – в злословной) форме, клевета, ложь – чья прерогатива? Правильно – врага. Все святые отцы единокорны в том, что противостоять действию вражескому (злословию, клевете, лжи) можно, и успешно можно, но никак не тем же самым злословием (ложью, клеветой), а смирением и любовью. Ах, как нам всем их не хватает! Это в политике: вы ввели санкции, мы вам ответим зеркально, тем же самым – правда, сразу повеяло духом князя мира сего?

– При всем этом ведь и молчать иногда нельзя, согласитесь, отец Алексей. Ведь бывают просто ужасающие случаи в жизни нашей земной, борющейся Церкви. И попытки «культурно замять», не заметить вопиющие к небу случаи не будут ли провоцировать скатывание в сюсюкающее, «смиреническое» поддакивание неправде, в элементарное человекоугодие, где никакой речи о смирении не идет в принципе? Кстати, чем вредно и опасно человекоугодие – как субъектам, так и трансляторам оного?

– Молчать нельзя. Но чтобы не молчать, нужно большое христианское мужество, опыт, мудрость, спокойствие. Без этого обсуждать наболевшие вопросы и, как вы говорите, ужасающие случаи нет никакого смысла. Особенно в сети. Но пробовать надо, иначе погибнем.

А человекоугодие крайне лукавым образом уводит нас от Христа. Вспомним Ворону и Лисицу:

Уж сколько раз твердили миру,
Что лезть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце лстец всегда отыщет уголок.

Как точно подмечено – всегда отыщет! Христолюбцы – народ прямой и правдивый, но правду не рубят, а терпят за нее, часто бывают гонимы, но не ропщут, а благодарят. Человекоугодники льстивы, соответственно – лживы и двоедушны, вплоть до предательства.

На практике я сталкиваюсь с обратным: человек не причащается годами, Евангелие в руках не держал, но он – прав. Он (или она) так мне и говорит: отец Алексей, ведь я правду говорю! Говорит, повышая голос, может и матюгом для убедительности пустить (но чаще все-таки стесняется)...

Почему же мы не живем Христом, Его Евангелием? Да нам лень это делать. Мы, может, и хотим, но лень. «Мы же не святые!» – расхожая, но негожая попытка самооправдания.

Рубя правду, любители этого занятия вольно или невольно провоцируют нас на негативное отношение к себе. Они знают, что им будут противостоять, с ними вступят в спор, а для микробов «правдорубства» это лучшая питательная среда! Нельзя поддаваться на эту провокацию. Спорить и разуверять бесполезно. Лучше с юмором соглашаться. Пример из жизни:

– Вы с нами общаться не хотите потому, что вы богатые! (Богатыми мы никогда не были, и нам, похоже, это не очень-то светит, как и большинству жителей русского села.)

– Да, не хотим! И именно потому, что богатые. Богаче всех в округе! – Всё, топор убирается, разговор меняет тему.

Одно из самых отвратительных проявлений этой болезни – сказать нам правду о ком-то, о ближнем, за глаза, по секрету, «для нашей же пользы». Чтоб мы знали, как человек этот плох, чтоб были вооружены этим знанием и готовы дать ему отпор. Здесь уже никаких компромиссов, никакого юмора: «Я с этим человеком незнаком, пока не общался, пообщаюсь – сам узнаю, каков он. А пока не узнал – прошу, не надо гадости про него мне говорить. Или давай так – пойдём к нему, и ты при нем все это повторишь, что мне сказал о нем». Действует железно!

Еще момент, очень характерный для деревенской жизни:

– А ты знаешь, что про тебя говорят? (К сожалению, слышал это вопрос и от священнослужителей.)

– Нет, не знаю.

Открывается рот, чтобы рубануть правду...

– И знать не хочу.

– Не хочешь знать, что про тебя говорят? Ну, ты даешь... Ну, ты вообще... Ну, что ты за человек... Ну, как же так...

И топор снова опускается. То, что невозможно человеку, возможно Богу. Эта простая истина почему-то часто ускользает из нашего арсенала, предназначенного для невидимой брони. Когда ко Христу привели блудницу, Он чертил перстом на песке. Когда обвинители стали осуждать ее и приводить доказательства ее вины, Спаситель продолжал молча чертить перстом на песке. А ведь ее ожидала смерть, камнями насмерть должны были забить, по закону, по правде. Что спасло ее? Неосуждение – что Христово, что вполне грешных, судя по их реакции на последующие слова Христа, самих обличителей. Честное слово, давайте уже жалеть друг друга, а?

А потом отец Алексей скончался. В самые преображенные дни 2018 года. Тихо вышел посмотреть на рассвет, как это часто любил делать, и тихо скончался.

Свет сильнее печали

Мы много беседуем сейчас с матушкой Ольгой, его супругой, которая встречает нас с неизменным гостеприимством и заботой. Почему мы, храня добрую память об отце Алексии, этом светлом священнике, продолжаем ездить в ставшее родным Юханово? Почему дети не мыслят каникул без путешествия сюда? Вот потому и ездим, что здесь мы – родные, что здесь все по-честному, по-настоящему. И еще здесь учишься не бояться. Матушка Ольга очень в этом помогает.

Матушка Ольга говорит о милости Христа, оказываемой всем нам в течение жизни.

– Милость эта бывает строгой, зачастую нами сразу не видной. Как ее увидеть, принять сердцем и поблагодарить Бога за испытания, цель которых – любовь? Легко быть радостным и принимать с легким сердцем всевозможные неудобства и испытания, когда вокруг нас – добрый свет и приветливые друзья. В теплое время года, когда ветер освежает, птицы поют гимны и «наша крыша – небо голубое», смотреть на мир с радостью проще. Проще, чем в заунывном ноябре, когда из птиц остались вороны с голубями, а ветер пронизывает насквозь. Вот тут наше подлинное христианское мировосприятие подвергается серьезной проверке: действительно ли мы сохраняем в себе благодарность Христу, любовь к ближнему и надежду на торжество света над греховной тьмой?.. Мы же называем себя христианами, учениками Иисуса Христа, а значит, мы верим во всепроникающую и всепобеждающую Божию любовь. Должны верить. Но... но, конечно, по-человечески нам бывает трудно терпеть боль, страдания. Особенно тяжело, когда это касается наших детей, наших любимых людей. Трудно смириться с преждевременным, как нам кажется, уходом тех, кто нам дорог, кто вносил особенный, радостный смысл в нашу жизнь, кто животворил ее. Но если сквозь боль, страдание и потери мы не имеем сил сказать: «Господи! Да святится имя Твое, да будет воля Твоя! Не как я хочу, но как Ты!» – то никакие мы не христиане, никакие мы не рабы Божии. А если мы христиане, то просто обязаны быть оптимистами. Как говорил известный герой в советском фильме: «Я так думаю!»

Тут, как мне кажется, есть такой момент. Когда мы боеем, страдаем, мы приобретаем бесценный опыт, который учит нас понимать чужую боль и сострадать чужому горю. Часто Богу до нас по-другому просто не достучаться. А если мы верим, что Бог не посылает нам испытаний, превышающих наши силы, то наши тяжелые болезни и страдания мы можем принимать как доверие Бога. Бог посылает мне диагноз «рак», потому что верит: я могу достойно пройти через испытание болью и медленным умиранием. И при этом Он дает мне возможность подготовиться к встрече с Ним, покайся в своих грехах. Конечно, я изо всех сил буду стараться быть достойной Его доверия. А где моих сил не хватит, Христос мне поможет.

– Матушка, это страшные слова. Вот лично мне, боящемуся всего на свете, – страшно. Как боль, страдание могут быть признаком доверия Бога мне? Я не боли хочу от Бога, а цветочков всяких, работы хорошей, кальмаров в лимонном соусе! Что, получается, если человек страдает, Бог его «повысил», так, что ли?

– Так и получается. И бояться ничего не надо. Если вы с Богом заодно, конечно. Когда отец Алексей в 2007 году попал в автомобильную аварию, у него был сломан тазобедренный сустав. Батюшка оказался на шесть недель прикованным к постели на вытяжке в областной больнице Тернополя, на Западной Украине. Его мучили сильнейшие боли. Дважды делали уколы наркотиков, а потом во избежание возникновения зависимости – только обычные обезболивающие, от которых толку было немного. Батюшка часто повторял: «Как трудно благодарить Бога, когда так больно! Но для чего-то ведь Он послал мне это. Значит, так надо, так мне полезно. Сейчас не понимаю, пойму потом. Слава Тебе, Господи!»

Прошло немало времени, прежде чем я услышала от батюшки: «Знаешь, я действительно благодарен Богу за то, что со мной произошло. Я теперь знаю, что значит постоянно терпеть

настоящую боль. Знаю, как снимает боль и отодвигает все плохое наркотик, как хочется, чтобы укололи именно его, а не обычное обезболивающее. Знаю цену возможности повернуться на бок и счастливо встать сначала на костыли, а потом на ноги».

Когда мы вернулись с Украины домой, двери нашего дома практически не закрывались – приходили и приезжали люди, чтобы навестить батюшку. Я едва успевала менять чашки для чая. В один из дней я подсчитала количество гостей. Оказалось, что проведать батюшку приехало 27 человек! Это было могучей поддержкой для отца Алексия, у которого за плечами было только два года служения. В эти дни он часто говорил: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!» И с нетерпением ждал возможности сначала побывать в нашем маленьком домовом храме при больнице, потом послужить молебен, обедницу. Перед первой после аварии литургией очень волновался и служил ее со слезами благодарности Богу на глазах. Не один раз отец Алексей говорил, что без этой аварии он был бы другим человеком и совсем другим священником.

16 августа 2018 года Господь призвал отца Алексия к Себе. Батюшке было неполных 59 лет, священником он прослужил 13 лет. Конечно, для меня и для прихожан уход батюшки кажется преждевременным. Было много планов и по восстановлению храма, и по живописи, и по живому общению с людьми. Этим земным планам отца Алексия не суждено сбыться. Господь судил иначе. Мы осиротели. Нам без нашего батюшки очень трудно. Я не могу пока сказать: «Господи, благодарю Тебя, что Ты взял к Себе отца Алексия». Честно сказать, я не уверена, что смогу так сказать когда-нибудь вообще.

Я говорю: «Господи, благодарю Тебя за то, что Ты послал мне моего Алешу, который привел меня к Тебе. Я верю в Твою любовь к нам, грешным, и поэтому надеюсь на встречу с моим супругом и батюшкой там, у Тебя».

Потери учат ценить то, что утрачено, и благодарить Бога за то, что было.

Пока отец Алексей был с нами, многое казалось обычным, само собой разумеющимся. Благоговейное отношение к службе, стремление, чтобы в храме все было красиво, начиная с убранства храма до одежды, облачения и даже походки священника. Как бы ни болели ноги, батюшка старался не хромать и не присаживался во время службы даже в тех местах, где это допускает Устав. Служба была динамичной, отец Алексей старался не допускать пауз и неоправданных затягиваний. Несколько раз за литургией звучало живое слово нашего пастыря: после чтения Евангелия, перед исповедью и после отпуста. Признаться, я иной раз ворчала: «Батюшка, ты сегодня уж очень разговорился. Людей много, исповедь длинная, Причастия не дожидаться было». На мои сетования отец Алексей обычно отвечал: «А я потому и хотел побольше сказать, что людей много. Ну кто им еще скажет про самое главное, если не священник?» Ну что тут возразишь?!

Как же нам теперь всего этого не хватает! И вся надежда – на милость Божию, на то, что Он все посылает нам по Своей любви, для нашей пользы. В этой надежде – наша радость, уверенность в победе добра. Да, и печаль есть, но – светлая. И свет, знаете, сильнее печали.

Часть 1. Незатейливые истории о жителях русской глубинки

Джекпот и балерина

«Жизнь нашего прихода, – любил говаривать отец Василий, – это нечто среднее между детским садом и психбольницей». Неизменно, правда, добавлял для самых угрюмых и серьезных: «Это шутка. Имеющий уши слышати да слышит».

Шутки шутками, но даже самые угрюмые и серьезные должны были признать: жизнь в Церкви строится по совершенно непонятным правилам, которым нет особого дела до грозных стереотипов, предрассудков и неписаных, а то и писаных законов. Согласно этим законам, не только одна община, да и вся Церковь, наверное, давно бы прекратила свое существование. Проще говоря, Христос, обещая хранить Церковь, иногда делает это с юмором, показывая, что доброй улыбке всегда есть место в нашей серьезной и угрюмой жизни. Например, случай с Катей-балериной. Кстати, он занесен в хроники прихода.

Балериной ее прозвали, понятно, злые языки. В каждом приходе есть. Слабоумная Катя ходила по одной ей известной и одной ей определяемой траектории – расхатываясь и прихрамывая на обе ноги, она могла запросто врезаться в служащего отца Василия, а если не подоспеют аколумы, то и в епископа. Со временем к ее выходам из-за печки стали относиться спокойно, но поначалу, бывало, епископ сильно недоумевал, а отец Василий удивленно улыбался. Улыбался он, правда сквозь слезы, и тогда, когда Катя вступала в общий хор на «Верую...» или «Отче наш»: нежный абсолютный слух пианиста-виртуоза, каким был батюшка, подвергался откровенной пытке.

Гугнивая, слабоумная, с нарушенной походкой, со страшным голосом, но очень и очень добрая и никогда ни на кого не обижающаяся – кто ж посмеет оскорбить Катю-балерину... Никто и не смел. Более того, когда к ней и ее закидонам привыкли и Катя стала, что называется, лицом прихода («На безрыбье и рак – рыба», – вздыхал отец Василий под общий хохот), ей охотно подавали милостыню – зачем ей нужны были деньги, никто не понимал, правда.

А тут грянул бодрящий сердца кризис: пришлось вдруг вспомнить про «Не хлебом единым». Причем вспомнилось всерьез. Приход резко и неумолимо обеднел: ему сочувствовали бомжи, оставшиеся, несмотря ни на что, верными своему месту у притвора. Нечем было платить даже за «коммуналку» – вторую статью расхода после помощи малоимущим и многодетным семьям. Приуныли. Особенно, конечно, староста. Говорил: «Хоть в рулетку играй. Русскую».

Катя-балерина, надо сказать, испытывала самые нежные чувства к старосте и врезалась в него чаще других – к радости не только его супруги, но и епископа, иногда становившегося свидетелем их встреч, которые всегда сопровождались игрой отца Василия на фортепиано в приходском домике. И вот она услышала эти слова про рулетку и крепко задумалась, отойдя на полшага. Впрочем, «задумалась» в случае с Катей – вряд ли самое подходящее слово, считают некоторые. Не уверен.

Так или иначе у нашей убогой созрел план по выводу прихода из денежной ямы, а то и пропасти.

В один прекрасный депрессивный день она, захватив мешочек с монетами, которые накидали ей прихожане, отправилась через дорогу к «одноруким бандитам» – там был целый зал этих игровых автоматов, лишивших средств к существованию не одного человека, не одну семью. Хозяева – толстомордые увальни в темных очках – очень походили на наркоторговцев

и цедили сквозь зубы отчаявшимся матерям, женам, друзьям своих жертв: «Все законно. Не я такой – жизнь такая». Ну да, ничего личного.

Бедную слабоумную Катю эти чудовища встретили презрительно-спокойно. Какое им дело до дурочки, если она несет деньги? Пусть веселится.

Катя веселилась от души. Закидывая деньги в чрево «одноруким бандитам», она поочередно каждого из них... крестила. И у каждого из них случалось чудесное недержание – все до единого они выдавали гремящий металлом «джекпот», который балерина сгружала в мешок. Веселой походкой она пролетела между совершенно офонаревшими Сциллой и Харибдой, перешла дорогу и с восторгом вручила отцу Василию мешок с добром. «На электричество», – прогнусавила. Тот ее рассказу ничуть не поверил, конечно. Чтобы Катя – и вдруг в геймеры подалась? Да быть такого не может.

На следующий день история повторилась. Катя вновь принесла мешок с деньгами – вслед за ней неслись раскрасневшиеся мордатые, но на пороге храма что-то их остановило. Отец Василий был крайне озадачен и поручил одному из друзей проследить за бедной богатой Катей. Проследил.

У входа в логово разбойников собралась толпа. Катя орала, что хочет еще поиграть «с этими машинками», очковые не хотели ее пускать внутрь, а продувшиеся в пух и прах клиенты жаждали мести – пусть хоть этой слабоумной повезет. Катя на везение не рассчитывала – она была твердо уверена в своей правоте. Ее буквально внесли в проклятый зал. Там повторилась абсолютно та же история, что и вчера, и позавчера. Провожали ее с каким-то религиозным трепетом.

Когда отец Василий узнал, что все это правда, он устроил настоящий разнос бедной Кате. «Чтобы туда больше ни ногой!» – рявкнул он не столько ей (что взять с убогой), сколько десятку собравшихся вокруг молодых.

Но даже если бы кто-то и захотел прийти «поиграть в машинки», то ничего бы не вышло: зал игровых автоматов стал испытывать жуткие трудности с оплатой аренды и вынужден был закрыться. Куда скрылись бандюганы, никто не знает, да и не сильно это кого-нибудь и волновало. А еще через пару месяцев их вообще запретили, на сей раз законодательно. Ничего личного.

Прошло несколько лет, один кризис сменился другим. Кто-то, увидев Катю, все так же радостно вышагивающую, нет-нет да и попросит, смеясь, помочь деньгами, подавая ей очередную мелочь. Но Катя строга: «Мне нельзя. Я лучше помолюсь». Мы не против. Даже – за.

Не все коту «Лествица»

О своих немощах мы узнаем не обязательно от мудрого духовника. Если самому внимательно всмотреться в некоторые случаи, пусть веселые, из собственной жизни, то и из них можно вынести духовную пользу. Например, что категорическая убежденность в своих духовных силах может привести к стыду и к смеху – хорошо, если над самим собой.

Когда Пашка слышит женские умиленные всхлипывания и сюсюканье про «Ой, ты посмотри, какой милый котик!», он нервничает и краснеет. Даже может выйти из комнаты, прервав коммуникацию и вызвав недоумение у прекрасного пола. Мы-то знаем причину и время от времени над Пашкой подтруниваем. Он уж и не обижается.

Началось все тысячу лет назад, в первых классах семинарии, когда уроки больше походили на добрые беседы с пастырями, помнящими, что такое гонения, не понаслышке знающими о них и искренне заботившимися о наших юных душах и не то чтобы умных головах. Однажды старенький уже отец Константин, рассказывая о преподобных отцах Русского Севера, настойчиво рекомендовал нам, горячим подвижникам, сначала хоть немножко познать свою немощь и только потом строить планы насчет ухода в леса, где, честно признаться, некоторые из нас уже присмотрели места для скитов и келий. Отец Константин и говорит: «Один знакомый тут пару недель назад из лесов-то и вернулся. Стыдился все. А как было: забежал ко мне с рюкзаком. „Дай, – говорит, – благословение на пустынножительство, батюшка, – я в леса смиряться поехал. На первое время все у меня есть: консервы (рыбные), спички, топорик, хлебушек, соль, молитвослов и Псалтирь. Там келейку срублю, заживу отшельником, к тебе раз в месяц приходить буду“. Я ему: „Ты хоть знаешь, как костер-то разводить, забудешь? ¹ Сиди дома, а?“ Тот – ни в какую: подавай благословение! „Не, – говорю. – Давай потом разберемся“. Тот вздох издал и ушел в леса. Через неделю-то и вернулся – обросший, что леший, простуженный, худющий, взгляд дикий. „Прости, – чуть не воет, – батюшка, меня дурака!“ А что: как он в лесу жить-то будет? До грибов-ягод месяца четыре ждать, костер тухнет, спички кончились – так он консервы все сожрал, и ему, вишь, взгрустнулось. Не шла молитва. Ладно хоть живой остался – чаем я его отпоил да в больницу отправил. Может, и поумнеет теперь. Это я к чему, дорогие мои? Вы перед тем, как подвиги совершать, подумайте крепко, ладно? А то смех сплошной, а не смирение».

Хорошие были уроки у отца Константина. Интереснее, чем «Катехизис», надо признать. Доходчивые. В леса мы, в общем, не отправились.

А Пашка все это дело учел и уехал познавать свои немощи в деревню – то ли в школу работать, то ли в недоубитый колхоз, тут мы не знаем точно. Вроде и к лесу ближе, но и не совсем отшельник. Золотая середина, можно сказать, познавай себя – не хочу.

В свободное время любил ходить по высокому берегу северной реки, любоваться спокойствием природы, созерцать красоту мироздания и скорбеть о собственном несовершенстве. Говорит, некоторые языкастые местные жители охотно помогали ему в познании этого самого несовершенства. Кто словом, а однажды и доходчивей объяснили. Ходит он, ходит и слышит вдруг истошный вопль невесть откуда. Видит: мужик тащит пакет, из пакета таращатся два круглых желтых глаза. Мужик идет уверенно – прямо к обрыву, и давай пакет раскручивать, чтоб замах пошире получился. Пашка подходит: «Здравствуйте, дядя Коля. В чем дело-то?» Дядя Коля физкультуру прекратил. «Кота топлю. Этот гад всю семью до ручки довел. Отойди – задену». – «А что так? Характер у кота поганый?» Собеседник потратил несколько минут, чтобы перечислить те качества животного, которые показались ему несовместимыми с жизнью.

¹ Простофиля, беззаботный – вологодский диалектизм.

Характеристики-эпитафии, которыми он одаривал беднягу кота, определили выбор очередной профессии Пашки – он долго потом работал журналистом.

Но – долготерпение? Но – милость? Но – *праведный печется и о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко* (Притч. 12: 10)? Пашка не считал себя нечестивым, и, хотя кот не вызывал у него уважения, он рассчитывал побороть его гнусные качества уже воспитанными в себе добродетелями. Поэтому уговорил дядю Колю вернуть кота к жизни и отдать ему хотя бы на передержку. Мужик долго задумчиво стоял на берегу и, смотря вслед удаляющемуся Пашке, крутил у виска пальцем. Но молчал, и на том спасибо.

А дальше Пашка смог еще раз убедиться в правильности слов мудрого отца Константина: не рыпайся на Небо, пока не увидишь себя. Как оказалось, чтобы стащить на землю за ноги летящего в райские кущи юного подвижника, достаточно одного душного кота – этот гад заменил собой в тот раз «Лествицу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.